

ЗАКОННАЯ СУПРУГА

АБИОСЕ НИКОЛ

АДЖАЙИ заворочался и сел на постели. Взглянул на дешевый будильник, тикавший на стуле у изголовья: четверть седьмого. Уже рассвело. Африканский квартал медленно оживал. Ночные сторожа, разбуженные неистовым петушиным криком, принялись громко брякать замками на домах и складах, чтобы уверить всех, и себя в том числе, что недаром едят они свой хлеб. Женщины, перебраниваясь и сплетничая, прошептавали с товарами на рынок.

Аджайи осушил утреннюю чашку чая. Чай был приготовлен по его вкусу: некрепкий, приятно сладкий, без молока. Усилием воли он заставил себя подняться, подошел к окну и сделал шесть глубоких вдохов. Аджайи верил, что, если выполнять это упражнение ежедневно, никакая хворь тебя не возьмет. Выйдя на захламленный двор, он зачерпнул жестянойкой воды из бочки и опрокинул себе на голову.

Айо тем временем уже приготовила ему завтрак. Айо — это его жена. Ну, между нами, не жена, а любовница. Но не хуже любой жены. Она родила ему трех детей и сейчас ждала четвертого. Вот уже двенадцать лет они живут душа в душу. Айо такая красивая: темная кожа, белые зубы, большие добрые глаза, волосы аккуратно заплетены в косички. И характер у нее золотой. Когда они узнали друг друга, Аджайи намеревался без промедления обвенчаться с нею, но так и не собрался до сих пор. Первые годы, глядя на него полными надежды глазами, Айо подробно рассказывала ему о великолепных свадьбах подруг. А он в ответ твердил, что не терпит никакой показухи. В конце концов она смирилась со своим положением. Отец о ней и слышать не желал, но мать тайком навещала дочку и деятельно участвовала в крещении внуков.

В церкви за крещение с Айо брали два доллара вместо обычных пятидесяти центов — в знак порицания. Кроме того, раза два или три в год священник разражался во время службы

Абиосе Никол — известный сьерра-леонский новеллист, поэт и публицист старшего поколения.

Окончил Ибаданский университет в Нигерии и Кембриджский в Англии. Первый сборник его новелл «Слезы любви» появился в 1954 году.

Рассказы, очерки и статьи Абиосе Никола часто печатаются в африканской периодике, передаются по радио.

Все творчество талантливого писателя посвящено обличению колониализма, утверждению человеческого достоинства африканца. По мнению видного южноафриканского литератора и ученого Э. Млахеле, Абиосе Никол — один из лучших прозаиков континента и, несомненно, лучший англоязычный писатель Западной Африки.

Предлагаемый вниманию читателей рассказ взят из сборника «Законная супруга», вышедшего в 1965 году в издательстве Оксфордского университета.

гневной отповедью в адрес прелюбодеев, многоженцев и невенчанных пар. Аджайи и Айо были люди набожные, в церковь ходили часто, но сидели на разных скамьях. После подобных выпадов священника друзья выражали грешникам теплое сочувствие, паства негромко роптала, а мужчины высказывались в том смысле, что, мол, пусть церковь занимается своим прямым делом — проповедью священного писания и не сует нос в их частную жизнь. Аджайи потом обычно несколько недель в церковь не ходил, но, поостыв, возвращался в ее лоно. Ему нравилось распевать гимны, а кроме того, в глубине души он сознавал, что священник прав.

Отец Айо был уверен, что дочка вполне могла выйти замуж за школьного учителя или провизора, а она сошлась с каким-то жалким писарем. Но Айо любила Аджайи и по-своему была счастлива. Она стряпала ему и рожала детей. А в короткие часы досуга шла на базар, или навещала подруг, или сплетничала с соседкой Омо.

Повязав вокруг талии полотенце, Аджайи вернулся в спальню, насухо вытерся и оделся. Потом приложился к бутылочке с микстурой, которую прописал ему знакомый аптекарь. Аджайи очень дорожил своим здоровьем и, чтобы сохранить его, постоянно принимал различные лекарства. Эту микстуру следовало пить по чайной ложке три раза в день. Но на службе Аджайи было не до лекарств, поэтому он с утра в один присест выпивал дневную порцию. Микстура была очень горькая, от нее весь рот свело. «Сильное лекарство, — удовлетворенно подумал Аджайи, — раз такая горечь...»

Потом он приступил к завтраку и быстро уничтожил кукурузную кашу, жареные бобы и какао. Надел пробковый шлем и отправился на службу.

День уже клонился к вечеру, когда его вызвал к себе начальник. «Для чего я ему понадобился?» — недоумевал он, семена по коридору. Как будто бы никакой оплошности он не допускал...

Напротив начальника, respectableного пожилого африканца, в креслах сидели трое белых верзил. При виде их у Аджайи громко забило сердце. «Полиция! — мелькнуло в голове, — Господи, что я натворил?»

— Г-н Аджайи, эти джентльмены интересуются вами, — торжественно объявил начальник.

— Очень рад с вами познакомиться, г-н Аджайи, — с улыбкой произнес самый длинный гость. — Я и мои коллеги представляем Мировой союз евангелических крестоносцев. Мы приехали из Миннесоты. Зовут меня Джонатан Олсен.

И все три господина обменялись с Аджайи рукопожатиями.

— Примерно год назад вы проявили интерес к нашей деятельности, и мы не забыли этого. Направляясь в Индию, мы решили по дороге вернуться сюда, чтобы повидаться с вами.

Выяснилось, что «крестоносцы» следуют в Индию морем и их корабль зашел в африканский порт взять горячее. Начальник посматривал на Аджайи полными любви глазами. А тот лихо радочно пытался припомнить, когда это он интересовался деятельностью МСЕК (Олсен в дальнейшей беседе пользовался этим сокращением). И наконец вспомнил. Как-то ему попал в руки американский журнал. В нем была помещена реклама МСЕК. Аджайи написал письмо с просьбой сообщить дополнительную информацию о деятельности общества. Втайне он рассчитывал бесплатно получить от заморских миссионеров экземпляр библии с красивыми иллюстрациями. Картинки можно было бы выгодно загнать. Но надежды не сбылись, и он благополучно забыл о МСЕК. И вот такой сюрприз! Очертя голову Аджайи пригласил заморских гостей, а заодно и начальника к себе на чашку чая.

Олсен предложил взять такси, но Аджайи отговорил его, сославшись на плохие дороги, а сам между тем шепнул посыльному, чтобы тот мчался на велосипеде и предупредил Айю. Пусть приберется и вскипятит чай для белых гостей.

Айю принялась за дело. Оджу, старшего сына, отрядила с корзинкой на голове в лавку за лимоном, сняла со стены календарь с сомнительными картинками, поправила покосившиеся семейные фотографии, положила на видное место библию, засунула подальше пивные бокалы.

Она как раз успела переодеться в воскресное платье и одолжить у соседки обручальное кольцо, когда явились гости в сопровождении Аджайи. Начальник, бывший и раньше в этом доме, глазам своим не верил. Но не подал виду. Аджайи сиял от удовольствия. Айю приветствовала гостей короткой речью на английском языке, дети были приодеты, умыты и причесаны. Олсен пришел в восторг и принялся делать снимки для журнала «крестоносцев». Подав угощение, Айю скромно удалилась, предоставив мужчинам говорить о серьезных вещах. Олсен стал с жаром доказывать близость второго пришествия и предложил Аджайи пост главы местного отделения «крестоносцев».

Аджайи был спасен от духовного сана начальником, который вовремя пояснил, что участие в деятельности общественных организаций несовместимо с правительственной службой. Ослушнику грозит штраф или даже тюремное заключение.

— Вот истинное лицо английского колониализма! — гневно воскликнул один из белых гостей.

Словом, визит прошел как нельзя лучше. Попрощавшись, растроганные миссионеры отбыли на корабль.

На следующий день Аджайи постучался в кабинет начальника, держа под мышкой аккуратно завернутую бутылку — скромный знак благодарности за неоценимую поддержку.

Это происшествие заставило Аджайи всерьез призадуматься над своим образом жизни. Он решил обвенчаться с Айю.

О своем намерении Аджайи объявил однажды вечером после вкусного и обильного ужина. Айю не на шутку встревожилась. Уж не болен ли он? Или, может, на службе неприятности? Наверное,

его кто-нибудь обидел? Да нет же, заверял Аджайи, просто ему хочется на ней жениться. Или она другого себе присмотрела?

Айю засмеялась и сказала:

— Ну так и быть, давай поженимся. Только не говори потом, что я тебя окрутила.

В тот же вечер они обсудили все подробности. Аджайи настаивал на белом платье с фатой и флёрдоранжем. Но Айю возразила, что в ее положении это несколько неуместно — ведь она ждет ребенка. Она сошьет себе строгий серый костюм. Обвенчаются они в церкви, только пажами на свадьбе будут их собственные дети — так дешевле.

Ночью Аджайи привлек Айю к себе.

— Нет, — мягко оттолкнула она его, — нельзя. Дождись свадьбы.

— Почему? — удивленно воскликнул Аджайи.

— Потому что так полагается, — решительно отвечала Айю.

Отец Айю несколько смягчился, когда узнал о предстоящей свадьбе. Он, правда, тут же потребовал, чтобы дочь вернулась до венчания под родительский кров. Детей на время отослали к тетке.

Большинство родственников Аджайи одобрили его решение. И лишь завистница-сестра посоветовала обратиться к прорицателю. Айю вовремя узнала об этом от подруг, забежала к прорицателю сама и все уладила. Когда вечером того же дня к нему пришли Аджайи с сестрой, прорицатель, посоветовавшись с оракулами, предсказал молодым безоблачную жизнь, но предостерег: опасаться сестриноного глаза. Злюка едва удержалась, чтобы не расцарапать старцу рожу, но вынуждена была смириться с поражением.

И еще одна маленькая неурядица вышла с соседкой — той самой, у которой обычно одалживали обручальное кольцо. Ее точно подменили, особенно после того как она увидела подарки, которые Аджайи купил «невесте». Она долго вертела в руках нейлоновое белье, распалаясь злой завистью, а потом спросила:

— И ты наденешь это?

— Конечно. А что такого?

— Но, сестра моя, ты же подхватишь простуду. И потом, представь себе, вдруг с тобой что-нибудь случится на улице. Тебя отвезут в больницу, снимут платье и останешься ты все равно что голая.

— Ничего со мной не случится!

— Уж лучше нагишом ходить... Совсем стыд потеряла. — Омо бросила на Айю свирепый взгляд через изгородь и заагала прочь.

— А мне нечего скрывать от законного мужа! — И Айю вернулась к себе на кухню, радуясь, что ей уже не понадобится впредь спасительное соседкино кольцо.

Надо было спешить, полнеющая талия «невесты» торопила молодых. В предсвадебной суматохе нарушился обычный распорядок, и уже никто не заваривал для Аджайи утренний чай. Он залез в долги, чтобы нанять музыкантов, заплатить за угощение и за платье для Айю и ее близкой и дальней родни.

Накануне свадьбы устроили помолвку. Дядя и другие родственники Аджайи отправились к отцу Айю просить руки его дочери. Две девочки несли на головах большие выдолбленные тыквы. В них были булочки, мелкие монетки, фрукты, орехи кола и кусок материи — подарок матери — невесте. Теперь, когда супруги повздорят, жена не

сможет укорить мужа: «Я от тебя не видела ни булавки, ни мелкой монетки».

Поравнявшись с домом отца Айю, маленькая процессия сначала прошла мимо него, а потом, точно в нерешительности, повернула назад. Дядя Аджайи постучал в дверь. Изнутри откликнулись, спросили, кто там. Дядя назвал по имени, упомянул своих предков, сообщил, по какому делу пожаловал. Но впускать его не спешили. Дядя стал упрасивать и улащать хозяев — к большому их удовольствию и притворному негодованию родни Аджайи (сам жених оставался дома). Наконец отец Айю отворил дверь. Его тщеславие было удовлетворено — родным Аджайи дали понять, что они переступают порог почтенного и праведного дома. Гостям предложили угощение. Стороны обменялись подарками. Завязалась неторопливая беседа, не имевшая ровно никакого отношения к делу. Айю с сестрами пряталась в другой комнате. Но вот дядя жениха в изысканных выражениях изложил цель визита. Им стало известно, что в этом доме расцвел душистый цветок — прекрасная девушка по имени Айю. Они пришли сватать ее за Аджайи. Хозяин дома отворил дверь спальни и вывел к гостям сестру Айю. Это о ней говорят сваты? Нет, им известно, что Айю выше ростом. Другие женщины по очереди представляли перед гостями, но все они не соответствовали описанию Айю. Дядя жениха в сердцах хлопнул себя по коленке и, обращаясь к своей свите, заявил: они правильно поступили, что пришли сюда, — иначе им непременно подсунули бы другую.

— Ну, ну, — отозвался отец невесты, — не стоит волноваться. Надо же удостовериться, что сваты знают, чего хотят.

Тут он подал Айю знак выйти к гостям. Он поцеловал ее в лоб и попросил прощения за прошлое. Затем, повернувшись к гостям, сурово спросил:

— Эта?

— Она самая, — радостно ответил дядя Аджайи.

— Ура! — завопили остальные, окружив Айю и размахивая белыми платками у нее над головой. Гитаристы ударили по струнам, кто-то забарабанил штопором по пустой бутылке. Запели флейты, и все пустились в пляс. А она стояла в середине круга, женщина тридцати лет с хвостиком, с пробивающейся сединой в волосах, утирала счастливые слезы, и еще не родившийся ребенок впервые шевельнулся у нее под сердцем.

На следующий день они повенчались. Свадьба была довольно скромная — человек шестьдесят пришло, не больше. Аджайи был в смокинге, с гвоздикой в петлице. Так он наряжался лишь по большим праздникам. Из церкви все отправились в дом родителей невесты. У порога их встретила тетка Айю и, как водится, обратилась к молодым с длинной речью. Она предостерегла Айю: бойся приятельниц, которые спят и видят увести чужого мужа. «Живите в мире, и пусть солнце не взойдет в тот день, когда вы вздумаете поздорить».

Гости повалили в дом. Разрезали свадебный пирог, один за другим пошли тосты. Потом настало время отправляться в дом жениха, и сестры Айю запричитали, снаряжая ее в дальний путь.

Нанеся по дороге визиты многочисленным родственникам с обеих сторон, молодые наконец добрались до дому. Аджайи внезапно обнаружил,

что Айю изменилась. Раньше, впрочем, он никогда ее не разглядывал. А теперь — будто глаза у него раскрылись — он заметил ее горделивую осанку, присущую женщинам, которые сызмальства носят грузы на голове, плотные складки на шее, казавшиеся ему верхом красоты, ее статные плечи. И он заключил ее в объятия, испытывая при этом новое, неведомое чувство.

Когда наутро затрезвонил будильник, Аджайи, еще не до конца проснувшись, протянул руку за чашкой с чаем. Но ее не оказалось на привычном месте, Аджайи сел в постели и оглянулся. Стал ждать, не раздадутся ли шаги Айю на кухне. Но ничего не услышал. Повернулся и увидел рядом с собой темную, мерно колеблющуюся от глубокого дыхания спину. Ей, верно, нездоровится. Переволновалась вчера, бедняжка!

— Айю, Айю, — позвал он. — Ты заболела?

Она медленно повернулась к нему лицом. Томно пошевелила пальцами на ногах, провела рукой по волосам.

— Нет, Аджайи, я не заболела. А ты? Что, у тебя ноги отнялись?

— Да нет. — Он не на шутку испугался — видно Айю слегка тронулась.

Вот что, мой дорогой. Двенадцать лет я вставала в пять утра, чтобы приготовить тебе завтрак. Теперь ты муж, а не любовник. Я твоя законная супруга и требую к себе уважения. Отправляйся на кухню и ставь чай!

Махмуд Дервиш — современный израильский поэт, араб по национальности, активный участник борьбы прогрессивных сил Израиля за освобождение оккупированных арабских территорий, за справедливое решение проблемы палестинских беженцев.

МАХМУД ДЕРВИШ

Лесное эхо

Эхо жизни под тенью олив,
а я над костром распят.
Кричу палачам: я жив!
Но они мое сердце когтят.
О, в хищные доски ударь,
небо, ливнем святым,
пламя убей
и в дым
преврати его и развей...
Тогда я сойду с креста,
земли этой сын,
и в родные места
вернусь нагим и босым.

*Перевел
Г. Ашкинадзе*